

Неизвестная дама Чехова.

Нѣсколько дней назадъ въ «Русск. Вѣд.» приводились свѣдѣнія и соображенія, позволяющія сдѣлать выводъ, что юношеская пьеса Чехова, будто бы уничтоженная авторомъ, въ дѣйствительности имъ уничтожена не была и что, вѣроятно, рукопись этой драмы уцѣлѣла и до сихъ поръ. Со словъ лица, которому сравнительно недавно довелось читать эту пьесу, можемъ сообщить нѣкоторыя, хотя и отрывочныя, подробности о самой драмѣ, о главныхъ контурахъ ея содержанія и изображенныхъ въ ней персонажахъ.

Въ пьесѣ, оставленной Чеховымъ безъ названія (по крайней мѣрѣ никакихъ слѣдовъ его не уцѣлѣло), можно довольно ясно различать эмбрионы нѣкоторыхъ будущихъ чеховскихъ произведеній. Уже влекли къ себѣ вниманіе молодого писателя нѣкоторые образы, роились нѣкоторые художественные замыслы, которые лишь много позднѣе получили полную выраженія, улетѣли въ формы законченныя и отчетливыя, а тогда были лишь смутны и обрывчаты; еще не выносила ихъ его творческая фантазія. Но иногда отдѣльныя черточки, отдѣльные факты цѣликомъ повторялись въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Ближе всего юношеская драма, технически очень несовершенная, но уже отмѣченная печатью чеховскаго таланта, къ «Иванову».

Въ центрѣ пьесы—Платоновъ. Это—какъ бы первый эскизъ Иванова, которому, какъ теперь устанавливается чеховской перепиской, самъ авторъ придавалъ большое типическое значеніе. Платоновъ—изъ той же категоріи надломившихся людей, не вынесшихъ бремени жизни, загутаившихся въ нескладницѣ русскихъ «сумерекъ» и затянутыхъ тиной обывательскаго существованія. Но несмотря на все это, сохранились въ нихъ слѣды большой и красивой души. Платоновъ, какъ и Ивановъ,—разорившійся сынъ богатыхъ помещиковъ; сталъ народнымъ учителемъ; когда-то мечталъ о большихъ свершеніяхъ, теперь они выродились въ нескладные, несуразные поступки, которые дѣлаютъ Платонова въ глазахъ большинства непріятнымъ чужакомъ, даютъ обильную пищу сплетнямъ. Платоновъ большая дань исконному русскому шороку. И когда находятъ на него такой пивный стихъ,—затягивается Платоновъ во всякія исторіи, близкія къ скандалу. Катается онъ все быстрее по наклону.

Какъ къ Иванову—честный докторъ Ливовъ, такъ къ Платонову относится сынъ еврей-ростовщика, юноша—радикалъ, человѣкъ стойкихъ моральныхъ нравствъ и еще большей приверженности, для котораго все

просто и ясно и который, конечно, относится къ Платонову рѣзко и раздраженно — отрицательно. Какъ Львовъ—Иванова, этотъ юноша ударяетъ Платонова въ одной изъ сценъ пьесы по лицу. Платоновъ реагируетъ на оскорбленіе неожиданно, — не вызываетъ на дуэль, не возмущается даже, но вступаетъ съ оскорбителемъ въ долгое объясненіе, доказываетъ ему, что его, Платонова, этотъ поступокъ оскорбить и унижить не можетъ: онъ выше этого.

И это — не единственный случай наносимаго Платонову оскорбленія. Платоновъ женатъ, по-своему любитъ и цѣнитъ жену. Это не мѣшаетъ ему втягиваться въ любовныя отношенія съ другими женщинами. А въ женскихъ сердцахъ Платоновъ, какъ и Ивановъ, умѣетъ будить сочувствіе и любовь. Такъ завязывается у него между прочимъ романъ съ дѣвушкой — сосѣдкой, полной какихъ-то порывовъ, ищущей «новато человѣка». Романъ этотъ Платонову ни на что не нуженъ, идетъ онъ на него какъ-то зря, самъ не зная, зачѣмъ и почему. Потомъ говоритъ дѣвушкѣ, съ которой сблизился, что совершенно ея не любитъ. И она наноситъ ему оскорбленіе.

Еще другой романъ — съ молодой вдовой, запертой и богатой женщиной, горячо влюбленной въ Платонова. И этотъ романъ для Платонова — такой же ненужный, тяжелый. Такъ все туже затягивается узелъ жизни героя пьесы, все ниже пригибаетъ его нелѣпца его существованія и вывихнутость его души.

Около помѣщицы — оригинальная фигура, въ которой брезжитъ что-то общее съ Боркинымъ изъ «Иванова». Только фигура еще болѣе грубая, которую въ наше время, пожалуй, обозначили бы словомъ «хулиганъ». Онъ и самъ влюбленъ въ помѣщицу, а она любитъ имъ, какъ сильной и смѣлой натурой. Сначала онъ покровительствуетъ любви помѣщицы къ Платонову, помогаетъ ихъ сближенію. Но затѣмъ ревность начинаетъ въ немъ поворить съ громадной силой. И онъ развязываетъ и пьесу, и запутавшуюся жизнь Платонова: бросается на него съ ножомъ, наноситъ смертельныя раны. Платоновъ умираетъ на глазахъ почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, передъ смертью обращается къ нимъ съ пространной рѣчью о себѣ, о своей судьбѣ.

Вокругъ Платонова еще много другихъ фигуръ, кромѣ отмѣченныхъ выше. Они изображаютъ ту среду, въ которой гибнетъ надорвавшійся морально Платоновъ. Есть между прочимъ образъ, напрашивающійся на сближеніе съ графомъ Щабельскимъ.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ первая драматическая попытка Чехова изобразить современную ему вариацию «лишнѣго человѣка». «Говорю вамъ по совѣсти, — писалъ Чеховъ по поводу «Иванова», — что эти люди (т. е. Ивановъ и Львовъ) родились въ моей головѣ не изъ морской пѣны, не изъ предвзятыхъ идей, не изъ «умствѣнности», не случайно. Они — результатъ наблюденія и изученія жизни. Они стоятъ въ моемъ мозгу». Лишнее и яркое доказательство справедливости этого авторскаго признанія — юношеская драма, сейчасъ изложенная. Когда она будетъ опубликована, она дастъ, несомнѣнно, интересный матеріалъ для освѣщенія эволюціи чеховскаго творчества.